

11 июня 1988 г.

В тени на

Семенова... Имя, овеянное легендой, одно из тех, что принесли советскому балету его всемирную славу. Очевидцы помнят ее триумфальные выступления, ее Одетту, Никию, Жизель, Раймонду. Впрочем, нет необходимости перечислять все многочисленные партии Марины Тимофеевны — когда она танцевала, ходили просто «на Семенову», любой спектакль с ее участием становился событием.

На долгий и счастливый путь, который предстоял ей в искусстве, благословила Семенову, одну из любимейших своих учениц, Агриппина Яковлевна Ваганова. Даже выпускной спектакль юной балерины был одновременно прощальным бенедиксом Вагановой. Расставаясь со зрителями, она представляла им свою воспитанницу, ту, которой, в сущности, первой предстояло доказывать неоспоримые преимущества вагановского метода и стать властительницей дум публики.

«Лучшая из лучших, целеком воспитанная в духе новой советской школы, она служит блестящим образцом даже для старших своих товарищей»... — писала спустя несколько лет после этого исторического спектакля Ваганова о молодой, но уже покорившей две главные балетные сцены страны Семеновой. И еще: «С выпуска Марины Семеновой начинается моя известность в качестве педагога». Марине Тимофеевне суждено было стать «преемницей» и педагогического дара своего учителя. С тех пор как оставила сцену, она бесценный и бесценный, по мнению у нее учившихся, педагог-репетитор ГАБТа СССР, а также преподаватель факультета педагогов-балетмейстеров ГИТИСа имени А. В. Луначарского.

Сегодня наш собеседник — ведущая балерина Большого театра, народная артистка СССР Людмила Семеняка, последние три года репетировавшая под руководством Марины Тимофеевны.

Если бы я не стала заниматься у Семеновой, то остановилась бы в своем развитии как танцовщица. Она фея. Да, да, если есть на свете прекрасные, добрые феи, то это Семенова. Сказочная принцесса на сцене — я не застала ее выступлений, но пленка, вопреки всему, что

сказано о «взаимоотношениях» балета и пленки, передает волшебство семеновского танца. Вглядитесь (если бы это можно было делать чаще!): гордая балеринская стать, мраморно-скульптурные позы, то брызжащие мощным, вихревым водопадом, то плавной, величавой рекой льющияся движения...

Люблю, Марина, что тебя, как всех... учили музыке. (О крах ученья! Как если бы, под богов плач и смех, свече внушали правила свеченья).

Эти строки Беллы Ахмадулиной, обращенные к Марине Цветаевой, я всегда отношу и к нашей Марине Тимофеевне, Марине-Балерине. Невозможно представить, что и ее когда-то учили, что она не знала, не умела. Семенова всегда была Семеновой. Такое ощущение, наверное, испытывали благодарные и восхищенные зрители на ее спектаклях.

Уйдя со сцены, она продолжает колдовать в репетиционном зале. Ученикам Семеновой — и в Большом театре, и за его пределами — несть числа. И всех она осеняет своими добрыми, волшебными крыльями. Легко и щедро передает нам непростую балетную науку, учит красоте, осмысленности танца и воспитывает душу. Сдержанный, лаконичный, но емкий и выразительный жест Семеновой в классе говорит о том, как прекрасна она была на сцене.

Женщина. Балерина. Актриса. Тот редкий случай, когда можно отбросить всякие эпитеты — Семенова их все вбирает в себя, и любой только сузит и обеднит смысл этих великих и загадочных слов. Танец гордый, мощный, свободный, утверждающий человеческое достоинство, упоенный молодостью и красотой, — такой была Семенова на сцене. И такими хочет видеть нас...

Не мне анализировать природу дарования этой великой балерины. Но, на мой взгляд, секрет ее искусства (если он вообще может быть «рассекречен») в том, что оно тесно связано с ее человеческой сутью. Ее свободолюбивой душой, твердым, властным характером, всегдашней готовностью справиться с любыми трудностями, противостоять обстоятельствам.

Молодость Семеновой пришлось на непро-

Завтра исполняется восемьдесят лет народной артистке СССР, лауреату Государственной премии СССР Марине Тимофеевне СЕМЕНОВОЙ

ярком свете

стое время. И оно, как многих тогда, закалило ее, выковало характер. Одной из первых представляла Семенова советский балет за рубежом — в те годы, когда любой наш артист, выходявший на международную сцену, становился объектом самого пристального и пристрастного внимания, не просто творил искусство, но прежде всего защищал честь своей страны. Время закалило ее: жизнь ее не всегда была безоблачной, но она не опустила своей гордой головы. И может быть, потому годы над ней не властны — Семеновой даровано удивительное свойство всегда быть современной, остро ощущать сегодняшний день и заглядывать в завтрашний.

Никакой архаики, никаких отработанных приемов, все словно рождается прямо у тебя на глазах, в зале, на репетиции. Марина Тимофеевна работает горячо, одержимо, ищет, находит, отбрасывает, снова ищет... А работать с ней трудно. Она одаривает так щедро, предлагает так много, что ты начинаешь тонуть в этой лавине. Успеть — схватить, осмыслить, почувствовать, запомнить... После репетиции ты «труп», весь выпотрошен, измотан, не можешь шевельнуть рукой. А она довольна: хорошо поработали! Трудно и потому, что велико воздействие ее личности. Порой хочется освободиться от нее, преодолеть колдовство... Впрочем, в этих словах только доля истины. Хочется отойти просто потому, что большое видится на расстоянии. И как бы ни было сильно ее влияние, ты всегда остро ощущаешь свое «я», репетируя с нею. Семенова никогда не делает из тебя Семенову. Превзойти ее нельзя, можно повторить, но кому нужны копии? Только не Семеновой! Она изучает танцовщицу, как музыкант изучает свой инструмент перед тем, как играть, изучает его душу, чтобы заставить ее петь. И чем драгоценнее «инструмент», тем лучше звучит он «под пальцами» Семеновой.

«Эта балерина — бриллиант, который только нужно огранить» — характеристика, которую особенно любит давать Марина Тимофеевна. Но говоря так, она по своему обыкновению скромничает. Облечь индивидуальность арти-

стки, ее чувствование партии в законченную форму — дело непростое, и все же это только полдела. Сначала нужно разглядеть этот бриллиант, помочь оформиться мятущемуся, еще не вполне сознающему себя «я» молодой балерины. Вот это и есть главное содержание каждодневной работы Марины Тимофеевны. С огромным волнением бралась я за «Раймонду», боялась этой партии. Семенова, блистательная, лучшая Раймонда нашего балета, не просто вселила в меня уверенность, она сделала так, что я почувствовала: мой спектакль. А это великое чувство, без которого нет артиста. Как она этого добивается? Безусловно, верой в тебя, в себя, в общее наше дело.

Трудно заслужить похвалу Марины Тимофеевны. Зато уж и похвалит она по-царски. Сама себя чувствуешь царицей. И тут же может вернуть с облаков на землю. Одним словом, но каким! Точным, метким, безжалостным — так что слезы навернутся на глаза. Выказывания Семеновой, ее хлесткие, образные сравнения немедленно облетают весь театр, передаются из уст в уста. Но в других, несеменовских, устах они блекнут, теряют и свой глубокий смысл, и свою искрометность. Семенова никогда не говорит «вообще», каждое ее замечание — это остановленное мгновение, прекрасное или безобразное. Ее слова бьют в цель, их нужно схватывать на лету, зафиксировать удачу или исправить ошибку. Если вы приберегли их на будущее, значит, не поняли, упустили свой миг.

Ходят легенды о скромности Семеновой. О вечном желании «остаться в тени», неконтактности с журналистами. И действительно, она скромна необычайно. Невероятно, потому что Семенова — сознающий себя гений, она знает да и не может не знать себе цену. И так «легко» и «просто» объяснимо: дар ее прекрасен и потому величав и суесть не терпит...

Марина Тимофеевна, вы хмуритесь, качаете головой? Вам кажется, что мои слова звучат высокопарно?.. Простите, но сегодня я непослушная ученица. Винов повторю: вы прекрасны — и низко склоняю голову перед вашим великим искусством.

Фото Л. Педенчук.